

Кувшинов Феликс Владимирович

КВАРТИРА-ДОМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

В статье рассматривается малораспространенный в русской литературе 1920-1930-х гг. тип жилья "квартира-дом", которая является переходной формой от традиционного и уничтожаемого в СССР жилья (дома) к новой господствующей форме коллективного жилья - к коммуналке и коммунальной квартире, в дальнейшем ставшими центральными топосами в литературе указанного периода. Анализ квартиры-дома позволяет выделить два его типа: квартира как аналог традиционного дома-гнезда и квартира, лишенная типичных черт дома (уют, обжитость, интимность) и являющаяся идеологическим маркером ее владельцев (обыватель или идейный персонаж).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье рассматривается малораспространенный в русской литературе 1920-1930-х гг. тип жилья «квартира-дом», которая является переходной формой от традиционного и уничтожаемого в СССР жилья (дома) к новой господствующей форме коллективного жилья – к коммуналке и коммунальной квартире, в дальнейшем ставшими центральными топосами в литературе указанного периода. Анализ квартиры-дома позволяет выделить два его типа: квартира как аналог традиционного дома-гнезда и квартира, лишенная типичных черт дома (уют, обжитость, интимность) и являющаяся идеологическим маркером ее владельцев (обыватель или идейный персонаж).

Ключевые слова и фразы: репрезентация повседневности; дом; квартира; квартирный вопрос; огонь.

Кувшинов Феликс Владимирович, к. филол. н.

Липецкий институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
fkuvshinov@yandex.ru

КВАРТИРА-ДОМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

Одним из локусов проживания персонажей в русской литературе 1920-1930-х гг. становится квартира как заместитель дома – *квартира-как-дом, квартира-дом*, – своеобразная попытка найти выход из ситуации неприятия коммунального быта.

У М. А. Булгакова, согласно воспоминаниям современников [1, с. 221] всегда стремившегося к домашнему уюту, квартира-дом – объяснимая компиляция пространственных маркеров дома и квартиры. В городских условиях мифологема «дом» сужается до площади личной квартиры, которая становится символом успешности и самостоятельности. В 1920-е гг. эту самостоятельность, индивидуальность приходится защищать, отстаивать (знаменитый звонок профессора Преображенского Петру Александровичу из повести «Собачье сердце» (1925)).

Анализируя локус квартиры-дома (т.е. не коммунальной квартиры), можно выделить две ее разновидности:

1) квартира, полностью замещающая собой дом на пространственном, структурном и функциональном уровнях, и

2) квартира, лишенная черт дома (юта, индивидуальности, тепла, очага и проч.), которая или а) воспринимается как примета пошлости, или б) абсолютно неинтересна своему владельцу.

Эти две позиции отражают два концептуальных подхода, которые являются магистральными в контексте типа квартиры-дома мотива «квартирный вопрос».

В первом случае квартира является аналогом дома-гнезда. Это центр мира персонажей, место их встречи и их духовной жизни. Одним из наиболее ярких примеров такого локуса является квартира Турбиных в «Белой гвардии» (1925) М. А. Булгакова, который не просто создает «идеальную» квартиру для «идеальных» героев, но выстраивает целостное идеализированное пространство. Создается мифологизированный образ жилища: дом № 13 выступает как модель мира, в верхней части пространства которой помещается светлая и теплая квартира Турбиных, а в нижней – темная и сырая квартира Лисовичей. О мифологизации жилища в романе говорит и Е. А. Яблоков, указывая на «своеобразное воплощение мифологического времени-пространства» [20, с. 200].

Характерно, что одной из важных и постоянных черт уютного дома у Булгакова является огонь. По замечанию Б. М. Гаспарова, рассматривающего роман «Мастер и Маргарита» в свете Нового Завета, «огонь всегда символизирует гибель мира у Булгакова» [5, с. 111]. По своей интенции данная мысль близка известному положению Ю. М. Лотмана, согласно которому в «Мастере и Маргарите» Булгакова «квартира становится сосредоточением аномального мира» и «символизирует не место жизни, а нечто прямо противоположное» [13, с. 749].

Однако эмблема огня [10, с. 247-262] у Булгакова амбивалентна, на что уже было указано [3, с. 12-13], и выполняет и другую функцию: огонь свидетельствует об уюте, домашности. Вспоминая о своей квартирке, Мастер непременно упоминает печку:

«– Ах, это был золотой век, – блестя глазами, шептал рассказчик, – совершенно отдельная квартирка <...>. И в печке у меня вечно пылал огонь!» [2, с. 279-280].

В рассказе «Тьма Египетская» (1925) из цикла «Записки юного врача» горячая печка появляется уже в самом начале: она согревает празднующих день рождения Бомгарда. Это не адский огонь, бушующий в «Ханском огне» (1924) или в «№ 13. Доме Эльпит-Рабкоммуны» (1922).

В «Белой гвардии» печка вообще является центром турбинского мира, правда, в связи с гибелью этого мира именно на печи появляется надпись «Аид...» (косвенно подтверждая мнение Б. М. Гаспарова).

В символе огня проявляются общемифологические и общечеловеческие онтологические представления об уюте, доме, защищенности, восходящие к первобытным временам. Так, огонь как символ жизни, уюта, семейного очага является одним из главных образов в рассказе «Пещера» (1920) Е. И. Замятина, который, показывая послевоенную разруху и переосмысливая большевистскую максиму о необходимости разрушения мира до основания, обращается к образам, относящимся к доисторическим временам (пещера):

«И в центре всей этой вселенной – бог, коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый, жадный пещерный бог: чугунная печка» [8, с. 541].

Огонь у Замятина, как и Булгакова («№ 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна» (1922)), пожирает саму культуру, вещественный мир, который сгорает в печке и несет гибель его разжегшим. Не случайно культурно деградирующий профессор Сафонов из повести Вс. Вяч. Иванова «Возвращение Будды» (1923) афористично проговаривает: «Революция как огонь: ест и не наестся» [9, с. 12].

Во втором случае квартира ассоциируется с мещанством и пошлостью, с крушением романтических надежд на переустройство мира, которое наиболее остро переживал В. В. Маяковский: в поэме «Про это» (1923) лирический герой с ужасом отмечает торжество обывательщины:

«Маркс <...> и то тащил обывательства лямку» [16, с. 161].

Ярким примером мещанского жилья, которое уничтожает человека, служит рассказ В. П. Катаева «Вещи» (1929).

Примечателен тот факт, что в квартирах, описываемых Булгаковым («Белая гвардия») и Маяковским («Про это»), как необходимая деталь быта присутствует самовар, но этот яркий символ выполняет в двух текстах разные функции. У Булгакова самовар в атмосфере чистоты и уюта объединяет главных героев (Николка, Елена и Алексей отражаются в нем), у Маяковского самовар окружен клопами и засиженными мухами «веночками».

Поскольку квартира становится символом пошлости, мещанства, обывательщины, то идейный герой должен быть равнодушным к ней, так как целиком устремлен в будущее, ради которого ему приходится находиться в постоянном состоянии борьбы/войны. Примером такого равнодушия и такого состояния является роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934), в котором жилью ни разу и нигде не понимается как проблема, т.е. для героя «квартирного вопроса» просто нет. Павлу Корчагину все равно, где жить: в бараке, в коммуналке, в комнате или даже в кладовой:

«Несколько дней в Москве они жили в кладовой архива одного из учреждений, начальник которого помог поместить Корчагина в специальную клинику» [18, с. 377].

Описания жилья у Островского всегда скупы, лишены деталей. Лишь обращаясь к мещанскому жилью Кюцев, Островский позволяет себе поподробнее описать комнату Таи, останавливаясь на характерных деталях.

У самого же Павла обстановка истинно спартанская:

«В комнате Корчагина, на столе у окна, груды принесенных из партийной библиотеки книг, стопа газет; несколько исписанных блокнотов. Хозяйская кровать, два стула, а на двери, ведущей в комнату Таи, огромная карта Китая, утыканная черными и красными флажками» [Там же, с. 366].

Подобное равнодушие к жилью становится характерной чертой всех идейных персонажей. Описывая комнату бывшего красного кавалериста и даже чуть ли не комиссара Дмитрия Векшина («Вор» (1927)), Л. М. Леонов прибегает к штампам:

«Из личного Митькина имущества только простецкий сундучок виднелся под кроватью да именная кавалерийская пашка неожиданно висела на стене» [12, с. 46].

Удивляющим жильцов равнодушием к обустройству своего жилья отличается и Ольга Зотова из повести А. Н. Толстого «Гадюка» (1928), комната которой одновременно напоминает и жилье Корчагина, и жилье Векшина:

«Осмотр ее комнаты в замочную скважину не удовлетворял любопытства: голые стены – ни фотографий, ни открыток, только револьверчик над кроватью. Мебели – пять предметов: два стула, комод, железная койка и стол у окна» [19, с. 181].

Однако есть и менее прямолинейные вариации на тему безразличия к своей квартире, примером чего служит роман Ю. К. Олеши «Зависть» (1927).

Говоря об Олеше, исследователи применяют термин «философия нищеты» [15], подчеркивая, что отношение писателя к неустроенному быту базировалось на метафоре «принц и нищий» [6, с. 85]: «Он одновременно хотел быть и нищим, и миллионером. Нищим – чтобы продемонстрировать свое презрение к материальным благам (главное – в духовном!). Миллионером – потому, что он любил пышную, украшенную жизнь» [4, с. 20-21]; «странная, противоестественная помесь короля с нищим» [Там же, с. 225]. В установке Олеши на презрение к обустройству своего быта [21, с. 376-411] прослеживается типичная модернистская поза жизнестроительства, хотя некоторые исследователи указывают на связь жизненной стратегии Олеши с буддистской философией фатализма [11].

Персонаж Олеши Андрей Петрович Бабичев – «один из замечательных людей государства» [17, с. 18] – пример нового человека, не отягощенного заботами о быте, по всем канонам советской идеологии ставящего общее выше личного, и, как это ни парадоксально, этим бытом окруженного и полностью в него погруженного. Материально благополучно обустроенный, Андрей Бабичев абсолютно равнодушен к самой этой материальности, вещиности, хотя «в романе мир вещей неоднороден» [14, с. 121]. Причина этой неоднородности заключается в том, что «концепция нищего возникает у Олеши как продолжение размышлений над важнейшей темой романа “Зависть” – конфликтом нового и старого мира» [7, с. 121]. Андрея Бабичева совершенно не интересует собственная квартира, в отличие от лишнего в «новом мире» романтика/мещанина Кавалерова, который к финалу романа смиряется с перспективой тройного интимного сожительства с Анечкой и Иваном Бабичевым, таким образом, становится готовым жильцом коммунальной квартиры.

Русская литература 1920-1930-х гг. в рамках мотива «квартирный вопрос» представила несколько типов жилья, отражавших как реалии советской повседневности, так и личные предпочтения писателей. Одним

из таких типов стала квартира-дом, которая является переходной формой от традиционного и уничтожаемого в СССР жилья (дома) к новой господствующей форме – коллективному жилью (коммуне и коммунальной квартире).

В структуре квартиры-дома можно выделить два плана. На внутреннем плане квартира является аналогом дома (квартира Турбиных). Именно поэтому она «прячется», выносятся писателями на периферию художественного пространства произведения (Л. М. Леонов, М. А. Булгаков) или на периферию художественного времени произведения (Е. И. Замятин).

На внешнем плане квартира-дом становится символом или обывателя (В. В. Маяковский), или идеологически и идейно верного персонажа (Ю. К. Олеша).

Двусмысленность квартиры-дома, возможность осознания ее как островка личной свободы входили в противоречие с жизнестроительной практикой новой власти (идеи «нового быта») и привели к тому, что она в литературе была вытеснена коммунальной квартирой и коммуной, которые и стали центральными топосами в литературе указанного периода.

Список литературы

1. **Белозерская Л. Е.** Страницы жизни // Воспоминания о М. Булгакове: сб. / сост. Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. М.: Советский писатель, 1988. С. 192-237.
2. **Булгаков М. А.** Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Голос, 1999. Т. 9. Мастер и Маргарита. С. 156-522.
3. **Воротынцева Т. Л.** Образы-символы света в прозе М. А. Булгакова: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2000. 20 с.
4. **Воспоминания о Юрии Олеше** / О. Суок-Олеша, Е. Пельсон. М.: Советский писатель, 1975. 304 с.
5. **Гаспаров Б. М.** Новый Завет в произведениях М. А. Булгакова // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX в. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 83-123.
6. **Десятов В. В., Куляпин А. И.** Николай Гумилев и Юрий Олеша: мифология личного имени // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4. С. 85-88.
7. **Жиличева Г. А.** Фигура нищего в нарративах Ю. Олеша // Новый филологический вестник. 2010. № 4 (15). С. 121-129.
8. **Замятин Е. И.** Пещера // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2003. Т. 1. Уездное. С. 541-549.
9. **Иванов Вс. Вяч.** Возвращение Будды // Иванов Вс. Вяч. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 2. С. 7-78.
10. **Карасев Л. В.** Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 400 с.
11. **Куляпин А. И.** «Русский фатализм»: стратегии жизнестроительства Ю. Олеша и М. Зощенко // Культура и текст. 2001. № 6. С. 112-116.
12. **Леонов Л. М.** Вор // Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 3. С. 7-600.
13. **Лотман Ю. М.** Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб.: «Искусство-СПб», 1997. С. 748-754.
14. **Маркина П. В.** Мифопоэтика художественной прозы Ю. К. Олеша. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2007. 186 с.
15. **Маркина П. В.** Философия нищеты Ю. К. Олеша // Филология и человек. 2010. № 1. С. 66-77.
16. **Маяковский В. В.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 4. Стихотворения 1922 года, поэмы, агитлублики и очерки 1922-1923 годов. 452 с.
17. **Олеша Ю. К.** Зависть // Олеша Ю. К. Избранное. М.: Издательство «Гудьял-Персс», 1999. С. 13-118.
18. **Островский Н. А.** Как закалялась сталь // Островский Н. А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1989. Т. 1. С. 30-382.
19. **Толстой А. Н.** Гадюка // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 4. С. 180-221.
20. **Яблоков Е. А.** Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры. 2001. 424 с.
21. **Ямпольский Б. С.** Да здравствует мир без меня! // Ямпольский Б. С. Арбат, режимная улица. М.: Вагриус, 1997. С. 376-411.

FLAT-HOME IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1920-1930S

Kuvshinov Feliks Vladimirovich, Ph. D. in Philology

Lipetsk Institute of Cooperation (Branch) of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
fkuvshinov@yandex.ru

The article examines a rare type of housing “flat-home” of limited occurrence in the Russian literature of the 1920-1930s, which is a transitive form from the traditional and being destroyed residence (home) in the USSR to a new dominating form of a collective housing – to a commune and a communal apartment, further on becoming central topoi in the literature of the mentioned period. The analysis of the flat-home allows us to define its two types: a flat as an analogue of a traditional home-nest and a flat, lacking any typical features of the home (coziness, being habitable, intimacy) and being an ideological marker of its owners (a resident or an ideological character).

Key words and phrases: representation of everyday life; home; flat; housing problem; fire.